

/на тему о конторских служащих/

Замечательная и достойная очень многого /да воздастся по делам их!/ администрация Ставропольского управления буровых работ /СУБР/ ежедневно преподносит материал для серьезного философского исследования на тему о роли и месте рабочих СУБРа в "стране рабочих и крестьян", коей, как известно, является Советский Союз. Но при нищенской зарплате за каторжный труд, при постоянном риске за свое здоровье и даже жизнь — гибель рабочего бригады Медова 13 августа 1989 г. тому подтверждение, — при нехватке продуктов питания и многом другом, что характерно для жизни трудящихся в СССР, не до философствований. И это одна из причин, почему материал этот преподносится в виде викторины. Суть ее в следующем.

14 августа 1989 г. нач-ник СУБРа Басов подписал автору этих строк заявление на получение 1 тонны цемента, рубероида и дров для отопления дома зимой. В кассу СУБРа были уплачены 90 руб., у новоявленного в СУБРе кладовщика /до этого он где-то "трудился" на ниве администрирования сельским хозяйством, потом в СУБРе стал комендантом общежития в х. Спорном, затем превратился в юристконсульта, потом еще в кого-то, сейчас кладовщик. Кем будет завтра — увидим, но гррбиться в помбурах ему не хочется.../ были получены словесные уверения в том, что по приезду в любой рабочий день не будет проблем с получением и доставкой домой выписанных стройматериалов.

Перестройка, можно сделать вывод, навела порядок в удовлетворении этой части нужд рабочих в СУБРе. Но, оказалось, на словах порядок, на деле же, как и везде в СССР /и не только в СССР, т.к. в США и других свободных странах правительства предпочитают тоже к словесам советской пропаганды о перестройке-гласности относиться как к делам. Впрочем, может быть, просто смеются и не обличают ложь, чтобы подольше СССР оставался той же державой, какую он являет собою сейчас, и не мог быть экономическим конкурентом им/ все оказалось чепухой и издевательством.

23 августа 1989 г., имея все необходимые документы, в том числе об оплате за автотранспорт по доставке выписанных стройматериалов, я прибыл за ними в СУБР. Помощница кладовщика на мое обращение ответила, что она ничего не знает, и отправила меня искать ответственного за проведение такого рода работ, кажется, Антоненко по фамилии. Тот мне популярно объяснил, что у него рабочие заняты, автотранспорта нет и будет лишь завтра или позже, а когда точно он сказать не может. От перспективы провести в конторе СУБРа свой отпуск в ожидании, когда у них в один день совпадет наличие автотранспорта, рабочих и цемента с рубероидом, я был не в восторге и поэтому пошел к Басову поделиться столь чуткой по отношению к рабочему организацией конторского труда.

Удалось пройти в кабинет к Басову, тот выслушал, пообещал разобраться с предоставлением автомашины и, в виде гарантии для меня, велел идти и не

редать его требование насыпать цемент в мешки, а он, Басов, решит вопрос с транспортом. И вновь тащусь по коридорам и территории СУБРа с огромным свертком из 23 бумажных мешков под любопытными взглядами конторских служащих /что за страшилище тут, мол, у нас таскается с каким-то ворохом мешков?../ Насыпать цемент мне не стали, т.к. охранять мешки с цементом несколько суток некому, и если насыпать их и поставить, то не будет проезда автомашинам к складу. Отсутствие же автомашины для транспортировки мне цемента гарантировали твердо.

От жары и бесполезных хождений я уже в мыле, тащиться домой за 40 км на попутных машинах с грузом из пустых мешков на себе, чтобы потом вновь ехать с ними обратно в СУБР и вновь без гарантий того, что не повторится этот цикл — короче, мало приятного. Излив свое недовольство набором известных слов и выражений в адрес вообще всего советского, в том числе и в СУБРе, я сообщил распределителю работ, что пойду опять к Басову, пусть он мне и организует все дело, т.к. он мне подписывал заявление на получение стройматериалов, а не пожелает делать это, то я ему брошу свои мешки и будь они все прокляты...

Неожиданно распределитель работ запротестовал и даже забеспокоился о полезном использовании рабочего времени нач-ка СУБРа, а мне рекомендовал идти к нач-ку автобазы просить машину под цемент... На вопрос, где найти этого нач-ка, ответил туманным: "Захочешь — найдешь!" Однако, на такой энтузиазм у меня уже нет времени и сил. Перебирая в уме все, доставшиеся мне за мою жизнь вообще, и в СУБРе в частности, "достижения" социализма, я вновь тащу на себе мешки мимо кабинета профсоюзного нач-ка в кабинет нач-ка административного. Последнего в кабинете нет. Жду. Приходит. Выслушивает в который раз меня — это ли не социалистическая чуткость: ведь мог бы и нагнать вон, или предложить мне уволиться "без отработки", как это практикуют замечательные его помощники /заместители Беликов и Климов/, или любым иным из обычных способов предоставить мне основания пользоваться моим законным социалистическим правом писать бесполезные жалобы... — и говорит мне, чтобы я шел к кладовщику и оставил ему мешки, а он, Басов, сам организует доставку мне цемента.

Вот она — любезная народу перестройка в стране, где у власти будто бы рабочий класс: такое внимание ко мне, к какому-то там позорному помбуру 3 разряда, что мне конторское начальство прямо домой организует доставку цемента и рубероида. Прямо-таки от умиления можно взгвизнуть: "Спасибо КПСС за счастливую нашу жизнь!" Но прошедшее в тот день, а также твердое убеждение в невозможности социальной справедливости при однопартийной диктатуре

власти в любой стране, а в нашей особенно, обязало меня сделать нечто обратное, именно: отдать все же Басову написанное под копиру в приемной в ожидании его заявления. Вот текст заявления:

23

Нач-ку СУБРа
Басову А.В.
от Потуткина С.В. помбура 3 разряда,
бригада Медова.

Заявление.

Даже у средней степени дебилов невозможна такая организация отпуска рядовому рабочему стройматериалов, как это имеет место сегодня.

Мною выписаны и оплачены цемент, рубероид, а также автомашина для доставки. Однако получить все это оказывается невозможным делом, т.к. кладовщица направила меня к распределителю работ. Тот заявил, что рабочие для погрузки цемента будут, но позже, а автомашина будет не раньше послезавтра. После обращения к Вам погрузку цемента решили произвести, но некому охранять мешки и к тому же их надо будет куда-то относить, т.к. они мешают автотранспорту — машины для доставки мне цемента нет. Рекомендовали найти завбазой, чтобы решить вопрос с автомашиной, но я уже проконтактил с рядом здешних служащих и был по горло.

Что же делать? Я не знаю, поэтому

Прошу

Принять у меня 22 мешка и решить, что делать, в том числе с мешками и оплаченными мною в кассу СУБРа 90 рублями.

23 августа 1989 г.

/С. Потуткин/".

Вновь волокусь с мешками на склад. Замок на двери. Я в восторге, и излил бы его на морде какого-нибудь советского нач-ка, но это не культурно — бить по морде вроде бы такого же советского человека, коим сам я еще формально считаюсь, и чревато очередной отсидкой в лагере. Поэтому, собрав воедино остатки сил, я вновь направляюсь к кабинету Басова. Вдруг вижу кладовщика. Я к нему:

— Будьте добры, примите мешки, Басов сказал оставить их в складе, коль сегодня ничего не получается...

— Не нужны мне эти мешки. Принимать я их не буду.

— Но ведь...

— Мешки я не возьму.

И, действительно, мог ли этот, выращенный и воспитанный советскими порядками, субъект отказать себе в удовольствии поиздеваться над каким-то, в его понимании, быдлом из рабочих?..

Басова в кабинете нет, к нему уже очередь из каких-то, похоже, тоже администраторов... Я открыл обе двери в кабинет к нач-ку СУБРа, зашел, поставил свои дурацкие мешки и изумленно-веселой секретарше сказал, чтобы ему сообщила, что мешки принадлежат визитеру за цементом в СУБР. Кстати, в разговоре с Басовым в тот день я ему уже сказал, что цемент много легче и дешевле для меня, рабочего, украсть, но от такого вполне разумного

и обоснованного самой жизнью в этой стране шага меня удерживает возможное любопытство ко мне в дом милиции на предмет; откуда у меня цемент и имеются ли документы на него...

А теперь желающие могут попытаться угадать /ведь это викторина все же/:

1. Отдадут ли конторские служащие СУБРа мне цемент и рубероид?
2. Если не отдадут, то удастся ли вернуть через суд уплаченные деньги?
3. И если эти деньги будут возвращены путем причисления к зарплате, то удержат ли конторские служащие с них налоги /по конторскому их разумению - чем больше с рабочих нагребут они в доход государства, тем успешнее они работают... И такое, к сожалению, повсеместно, по всей стране./?

Возможны и другие варианты вопросов, но достаточно и этих.

Отвечать на эти вопросы небезопасно, т.к. этим можно вызвать на себя недовольство начальства и других властей, лишиться получения квартиры или еще каких подачек за послушание... Но если все же какие-то ответы и будут от рабочих или служащих СУБРа, то, возможно, они опубликуются в независимом от советской партийной цензуры журнале "Фрагменты", а то и в другом каком-либо солидном издании.

А теперь по существу изложенного выше.

Такого рода инцидентов, как получение цемента в СУБРе, по всей стране происходит бесчисленное множество и здесь рассказано о нем даже не с целью показать отсутствие перемен в СУБРе, а чтобы попытаться на зауряднейшем этом примере выяснить - возможны ли они, эти перемены?

Но перемены не идут и в этой связи необходимо рассмотреть ряд моментов:

I. Соотношение сил, например, в СУБРе.

Чтобы перестройка происходила, для ее осуществления требуются какие-то силы, заинтересованные в переменах. То, что рабочие хоть сколько-нибудь силой в СУБРе не являются, думаю, доказывать не надо: рабочие индивидуально разобщены и обособлены, а в целом - дезорганизованы /практически нет даже жалоб на низкую оплату физически тяжелого труда, а уж о других формах протеста говорить не приходится.../.

Что представляет собою администрация СУБРа в плане соотношения желающих перемен к количеству тех, кто не желает, можно уверенно заявить, что первых много меньше, чем вторых. И на этом, к сожалению, придется остановить анализ, т.к. собственного мнения у администраторов СУБРа быть не может; они - функционеры, выполняющие предписания бюрократов объединения и вышестоящих инстанций и судьба каждого из них зависит от того, насколько успешно он отписывает планово-бюрократические показатели.

Что касается конкретности по описанной истории с получением стройматериалов, то среди всей этой конторской публики лишь Басов вел себя, кажется,

честно. Однако, он хоть и начальник СУБРа — что он может сделать, да — же если захочет? В отрасли вся власть у министерства. Чиновникам из министерства и подчиненным им чиновникам главков, объединений и проч. и без перестройки жить сытно, вольготно и весело. И им надо все оставить как было, а сейчас лишь делать вид, что они за перестройку, за правду, честность, за все то, что называется демократией /народовластьем/. От подчиненных же Басову служащих конторы СУБРа только идиот может ожидать совестливости и правды. А при таком соотношении сил перестройка кончится тем же самым, чем кончилось построение коммунизма при Хрущеве — смехом, и только!

2. Что могут рабочие? И могут ли?

Трудящиеся — единственная сила сейчас в стране, способная противопоставить себя государственному аппарату. И вариантов несколько. Но в силу ряда обстоятельств здесь целесообразно остановиться лишь на одном. И из анекдота. Вот этого:

Анекдот.

Измученному работяге наконец-то при гласности стало известно из советской прессы о том, что рабочим и крестьянам при капитализме жить лучше, чем сейчас при социализме. С отчаяния он прорвался к Горбачеву:

— Михаил Сергеевич! Ну когда же мы достигнем уровня жизни, как при капитализме?

Горбачев ему объясняет, что не все сразу возможно изменить к лучшему, что сейчас, при социализме, изменения утвердились в культуре, идеологии, ценностных ориентировках общества, что хозяйственные реформы проводятся...

— Ну, а когда, Михаил Сергеевич, можно будет не стоять в очереди и не у спекулянта, а дешево и в обычном магазине купить что-то хорошее?

Горбачев ему отвечает, что лет через двадцать... А работяге этому уже за пятьдесят, и помрет он скоро, так и не увидев материальных результатов перестройки...

И согласился рабочий, чтобы его заморозили на 20 лет, а потом оживили.

... И вот через 20 лет заходит он в промтоварный магазин — все есть, и все дешево, хорошего качества... Зашел в винноводочный отдел — и там приобретай, чего ~~вжжжж~~ желаешь. И в продуктовом магазине сплошное изобилие.

— Мне вареной колбасы — просит он.

— А что это за колбаса? — спрашивает продавщица.

— Ну, это жиры, субпродукты и все остальное, что нельзя скормить людям... Перемальвают, варят и набивают...

— А-а-а, вспомнила, нас учили — говорит продавщица. Но такой колбасой мы не кормим даже изолированных коммунистов...

Ну, а если серьезно, то что практически могут взять рабочие из этого, к сожалению, всего лишь анекдота? Наверное, тоже анекдотическое.

Например, выступить с инициативой сбора средств на то, чтобы выплачивать нашим партийным чиновникам и их приспешникам то жалованье, которое они в настоящее время получают из заработанных трудящимися денег, но при одном условии: пусть жрут, пьют, веселятся и даже размножаются, как все люди, но только чтобы они не управляли нами, рабочими. А уж мы сами разберемся, кому доверить руководящие должности и кому сколько платить за это. И обойдется без кровопролития.

Сколь ни деликатен этот вопрос, а закончить этот стендовый материал придется констатацией следующего: роль и место рабочих в СУБРе не соответствует официальному их статусу в "стране рабочих и крестьян". К сожалению, конечно.

Имеющие что сказать по изложенному выше из рабочих и служащих СУБРа могут обратиться в вагон № 10 в х. Спорном, остальные люди по адресу:

356017. Ставропольский край, Новоалександровский р-н, х. Родионов, ул. Приозерная, 22. Потуткину С.В.

Данный текст был вывешен на стенде 3 сентября. Утром, 5 сентября, со стенда все было кем-то содрано. Пришлось вывесить такое объявление:

КТО-ТО ИЗ СОВЕТСКИХ "ПАТРИОТОВ", ВИДИМО В ПРИПАДКЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО НЕГОДОВАНИЯ НОЧАМИ СРЫВАЕТ МАТЕРИАЛЫ СТЕНДА.

ОН ВОЛЕН В СВОИХ ДЕЙСТВИЯХ, НО К НЕМУ ВОПРОС : ПОЧЕМУ ? С КАКОЙ МОТИВИРОВКОЙ ВЫ ИСПОЛНЯЕТЕ ЭТО ?

С.Потуткин. Ваг. № 10